

ВОРОНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

<Москва, 26 ноября 1927 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

По городу ходят слухи, что Вы будто бы написали кому-то письмо, в котором содержатся упреки по моему адресу: я не ценю писателей, зазнался и превратился в «маститого критика». В частности, вы будто бы отметили мое неуважительное поведение к Всев. Иванову. Не знаю, не могу проверить, насколько эти слухи верны, но мне передавали их из разного источника и одинаково. Вот что мне хочется написать Вам:

«Маститым критиком» я стал в одном-единственном смысле — я «побелел главою», во всем остальном — да минует меня чаша сия: относительно «маститости» своей я спокоен: на меня валялось и валится столько всяческих шишек и литературных и нелитературных, что дай бог «быть бы живу». Нет, какая уж тут «маститость». И особенно в эти, поистине трагические дни. Я не жалею, я по своей воле «пью чашу до дна», я прошу только не считать меня зазнавшимся и маститым. Моя рука была тверда, так как я верю, что писатель должен быть и большим человеком; это кое-кому неприятно, но тут я поделать ничего существенного не могу.

Всеволод талантлив, но совершенно беспринципен и это опасно и для него и для литературы. Не скрою от Вас — мне обидно и горько получить удар именно от Вас. Мое отношение к Вам Вам и другим хорошо известно. Расходясь с Вами в некоторых взглядах, я всегда любил и уважал и ценил Ваш чудесный талант. «Красная новь» была в основном ставкой на Вас, на Вашу литературную традицию, я сказал бы — на Вашу школу. Когда я думал и думаю о литературе наших дней — я всегда держу в памяти Вас — Толстого и Вас. Это — сушая правда. Из революционного подполья я следил больше всего за Вами. Скоро я, по всей вероятности, буду вынужден отойти и от «Круга» и от «Прожектора», может быть, забиться в глушь, но и тогда я буду ждать Ваших вещей. Я честно боролся за то, что считал и считаю правильным и верным. Мое теперешнее положение далеко от всякой маститости. И мне обидно, что по городу невозбранно гуляют толки о том, что «Горький отвернулся от Воронского» из-за писателей. Я этого не заслужил. Никто, конечно, нигде не доказал, что человеку воздается по его делам. Чаще всего бывает наоборот, но всякий человек хочет, чтобы к нему относились по справедливости. Я ни о чем не прошу Вас, ни о чем не хлопочу. В моем теперешнем положении Вы ничем помочь мне не можете, но я хотел бы, чтобы Вы не считали меня каким-то зазнавшимся сановником от искусства. У меня сейчас отнято многое и дорогое мне: зачем мне прибавлять к этому «жару»? Литературу я любил и люблю, как и революцию, и тут я знаю, что бы ни случилось — я всегда буду испытывать благоговение ко всему, что создается чудесным творческим вымыслом человека. Нет, я не могу принять упреков от Вас, если они раздались. Вот об этом мне нужно написать Вам.

Всего хорошего

А. Воронский

26/XI - 27 г. Москва.

* The words in red were cut from the letter as it appears in: «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 59-60.